

УДК 32:327.7:341.1/24

Бондаренко Ю.Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЕВРОДИПЛОМАТЫ

Y. Bondarenko

Saint Petersburg State University

THE FORMING OF EPISTEMIC COMMUNITIES OF THE EUROPEAN UNION: NATIONAL AND EURO-DIPLOMATS

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования эпистемологических сообществ в рамках дипломатического пространства Европейского Союза. Автор выдвигает гипотезу, что европейскую дипломатию можно охарактеризовать существованием двух эпистемологических сообществ, которые обозначены, в свою очередь, как «национальные» и «евро-дипломаты». В связи с учреждением Европейской внешнеполитической службы наметились изменения в деятельности этих двух сообществ, чьё сосуществование можно охарактеризовать как «взаимозависимость в параллелизме». Именно «изменяемая геометрия» представительства национальной и наднациональной дипломатических систем делает европейскую дипломатию уникальной.

Ключевые слова: эпистемологические сообщества, национальные дипломаты, евродипломаты, Европейский Союз.

Abstract. The article considers the specific features of epistemic communities functioning in diplomatic communities of the European Union. The author puts forward a hypothesis that there are two epistemic communities within the diplomatic space of Europe that can be characterized as “national” and “euro-diplomats”. Since the establishment of the European External Action Service there is a tendency for some changes in the activity of these two communities. Their coexistence can be described now as ‘complementarity in parallelism’. It is the ‘variable geometry’ of representation of the national and supranational diplomatic systems that makes the EU diplomacy unique.

Key words: epistemic communities, national diplomats, euro-diplomats, the European Union.

Спустя пятьдесят лет после того, как Римский договор провозгласил европейскую экономическую и политическую интеграцию, национальная дипломатия продолжает существовать, но она, очевидно, подверглась значительной адаптации [7, p. 50]. Следствием интеграционных процессов на европейском пространстве стало появление нового, специфического измерения дипломатии, которое в контексте настоящей статьи уместно охарактеризовать как «новую европейскую дипломатию».

Уже на ранних этапах интеграции в Европейском Союзе возник мощный канал взаимодействия экспертов и практиков – представителей политического истеблишмента. Вследствие того, что ЕС был лишён многих традиционных полномочий, которые есть у современного государства, его влияние на некоторые процессы в экономике и политике оставалось ограниченным, что способствовало привлечению экспертов и учёных, способных компенсировать своей аналитикой недостаток других ресурсов.

В действительности, вплоть до настоящего времени одной из ключевых особенностей функционирования Европейского Союза является отсутствие привычных для суверенных государств каналов взаимодействия государства и общества – транснациональных политических партий [6, с. 81]. Вследствие чего ЕС часто обвиняют в демократическом дефиците процес-

са принятия решений. Именно привлечение сторонних независимых экспертов и наблюдателей способно отчасти решить проблему демократического дефицита.

Предваряя разговор о формировании двух эпистемологических сообществ в рамках дипломатического пространства Европы, стоит сказать несколько слов о данном феномене. Эпистемология, которая также называется теорией познания, является ветвью философии, которая исследует природу, источники знания о ней и ищет объективные критерии оценки полученного знания [4, с. 31].

В 1992 г. журнал «International organizations» полностью посвятил один из выпусков рассмотрению феномена «эпистемологического сообщества учёных». Эта концепция организации научных дискуссий в рамках групп исследователей, которым свойственны отличительные черты, выделяющие их из общей массы коллег по научной сфере и области изучения, является относительно новым явлением. Его впервые ввёл в оборот в 1975 г. американский исследователь Джон Рагги, заимствовав термин «эпистемологическое» у Майкла Фуко [6, с. 82].

Как отмечает в своей статье Дж. Рагги в 1975 г., характеристика сообщества исследователей как «эпистемологического» объясняется тем, что ему свойственен «доминирующий способ изучения социальной реальности, набор взаимно разделяемых символов и представлений, взаимных ожиданий и взаимной осведомлённости об интересах». По мнению исследователя, такие сообщества создаются для комплексного изучения и выработки рекомендаций в отношении сложной международной проблемы, особенно если односторонние и двусторонние попытки институтов государственной власти не привели к требуемым результатам [6, с. 82].

Вместе с тем ещё один американский исследователь, Питер Хаас, отмечает три необходимые составляющие, когда политические деятели обращаются за поддержкой и консультацией к сообществу учёных. Во-первых, ситуация должна характеризоваться высокой степенью неопределённости пред-

ставлений политиков относительно возможных путей её разрешения. Во-вторых, внутри научного сообщества учёных, вовлечённых в процесс, должен сформироваться определённый консенсус. При отсутствии консенсуса возникают сомнения в правильности выбора, поскольку отдельно взятая точка зрения учёного, мнение которого никто не разделяет, вызывает подозрения. В-третьих, необходимо наличие сформировавшегося канала взаимодействия между представителями академического мира и мира политики на национальном и транснациональном уровне [14, с. 23].

Особенность эпистемологических сообществ состоит в том, что они сознательно пытаются добиться определённых системных целей, в отличие от разнообразных подгрупп в пределах дипломатической профессии, таких, как «арабисты» в Министерстве иностранных дел Соединённого Королевства [16, р. 245]. Эти подгруппы также пытаются достичь определённых целей, и есть искушение описать их как какой-то вид эпистемологического сообщества, однако, правильнее рассматривать их как группы защиты интересов в профессиональной сфере. Цели эпистемологического сообщества касаются изучения системного изменения в целом, а не защиты политического курса, касающегося определённой функции (такой, как права человека, многосторонность и контроль над вооружениями) или географического региона (например, Ближний Восток).

Питер Хаас также указывает, что проходным билетом в эпистемологическое сообщество является приверженность доминирующим в нём базовым ценностям. Он подчёркивает, что членами эпистемологического сообщества не обязательно должны быть представители академического мира [6, с. 84]. Более того, одного собрания учёных из схожей области знаний не достаточно, чтобы данное собрание можно было считать эпистемологическим. Эпистемологическое сообщество характеризует особая система ценностей, регулярность взаимодействия и определённые цели (а не исследование как

такое), отличающие его от любой другой, произвольно взятой группы специалистов.

Концепция «эпистемологического сообщества» прочно закрепилась за такими (большей частью негосударственными) группами, как энвайронменталисты, защитники прав человека и сети здравоохранения (например, Красный крест) [14, р. 34]. Несмотря на то, что дипломаты могут и не являться глубокими техническими экспертами в какой-то сфере, они имеют расширенное познание определённой политически релевантной области – например, искусства ведения переговоров, формирования компромисса, деятельности международных организаций, что позволяет их отнести к «эпистемологическому сообществу». Они часто принимают решения в условиях неопределённости и отличаются детальным знанием вопросов, стоящих на повестке дня [9, р. 198].

Представляется, что в ситуации высокой неопределённости государственные деятели зачастую даже не способны оценить степень автономии, в пределах которой действуют дипломаты, поскольку их техническое знание предмета (экспертиза в вопросах вооружения, обороны, экологии т. д.) не позволяет им объективно рассмотреть данный вопрос. Однако если вопрос имеет высокую значимость, даже в ситуации высокой неопределённости, государственные деятели всё же стремятся участвовать в процессе принятия решений и временами склонны игнорировать мнение эпистемологического сообщества, если их собственные интересы сильно расходятся с оценкой экспертов.

Ведущая роль дипломатов в Европейском Союзе отчётливо прослеживается во время проведения межправительственных конференций, предшествующих подписанию договоров, на которых даже вопросы высокой значимости часто решаются при непосредственной содействии дипломатов, поскольку они преуспели в искусстве достижения компромисса и их уровень компетентности позволяет им это делать.

В частности, американский исследователь, Майа Девид Кросс, приводит в качестве при-

мера переговоры на межправительственной конференции, предшествующей подписанию Маастрихтского договора. Именно благодаря усилию дипломатов удалось прийти к консенсусу по поводу создания второй опоры ЕС – Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ). Изначально британцы, датчане и голландцы сильно противостояли ОВПБ, в то время как французы, немцы и итальянцы поддерживали её. Таким образом, дипломатов Европейского Союза всегда отличало искусство и умение находить компромиссы даже там, где это казалось абсолютно невозможным, на первый взгляд [10, р. 147].

В Европе существует, по-видимому, два дипломатических эпистемологических сообщества. Две системы идеалистических воззрений и последовательные карьеры дипломатов Европы могут быть систематизированы и обозначены как «национальные дипломаты» и «евродипломаты» [16, р. 245]. В действительности, как национальные, так и евродипломаты отвечают в целом критериям, указанным Питером Хаасом, поскольку в обоих случаях существует ситуация неопределённости, консенсус в научных и дипломатических кругах и налаженные каналы взаимодействия. Эти два идеальных эпистемологических сообщества имеют своё собственное мировоззрение. Каждый из них имеет различную лояльность, отличное понимание национальных интересов и европейских интересов и полярные взгляды на то, как формулировать, согласовывать и отстаивать свои позиции.

Учитывая меняющийся характер дипломатических вызовов, ключевой вопрос состоит в том, будет ли реструктурирование дипломатии в Европе (предусмотренное в Лиссабонском договоре), продвигать новую, постнациональную европейскую дипломатическую систему [7, р. 60]. Второй вопрос, возможно ли, что мы однажды станем свидетелями интеграции этих двух карьерных путей – эволюции от текущей системы осознанно европеизированной национальной дипломатии в новую и специфическую форму европейской дипломатии. В настоящее время, даже после принятия Лиссабонского

договора, этот вопрос по-прежнему остается открытым. Тем не менее, можно утверждать, что как национальные, так и евродипломаты продолжают работать в рамках европеизированной политической структуры.

Если два эпистемологических сообщества существуют, даже в широком теоретическом смысле, нельзя утверждать, что это две постоянные группы дипломатов, которые зафиксированы по своей структуре и содержанию навсегда в неизменной форме. Что характеризует текущее состояние дипломатии Европейского Союза, это слияние этих двух идеальных типов дипломатических сообществ на практике, с участниками, переходящими из одной группы в другую, даже с изменениями в мировоззренческих подходах, сопровождающимися карьерными шагами. Две группы представителей часто работают параллельно и тем не менее остаются взаимодополняющими друг друга.

Так, Дэвид Спенс считает, что не следует представлять себе образ дискутирующих дипломатов на двух сторонах мнимого шара, спорящих о достоинствах и недостатках Вестфальской системы, Лиссабонского договора, а также о необходимости совместных действий в рамках Общей внешней политики и политики безопасности. Предположение о существовании междоусобного конфликта между двумя дипломатическими сообществами в корне неверно [16, р. 246]. Тем не менее, в широком смысле евродипломаты функционируют в определённой психологической среде, разительно отличающейся от правил поведения и объекта изучения «традиционных» национальных дипломатов.

Национальные дипломаты занимают свою нишу в дипломатической карьере, которая схожа с той, что была у их предшественников, с командированием за пределы Европы в традиционные посольства или работой в своей стране и в функциональных подразделениях Министерств иностранных дел. В рамках своей дипломатической карьеры они специализируются на экономических вопросах, проблемах вооружения, безопасности или экологии. Последнее также указывает

на их принадлежность к эпистемологическому сообществу с признанной экспертизой, поскольку формально они являются узкой группой лиц, обладающей определённой специализацией и познаниями в конкретной области. Они посягают на сферу ответственности, затрагивающую дела европейского масштаба, лишь незначительно в их рабочей практике – в действительности, только когда координация на уровне ЕС происходит за рубежом и то часто весьма неохотно.

Так, в своём отчёте перед Палатой общин Соединённого Королевства, министр внутренних дел, Хезел Блларс утверждает: «Нам следует быть настороженными в отношении институтов Европейского Союза, которые хотят создать что-то свежее, что идёт просто с позиций единой Европы, но при этом не обязательно сводит к общему знаменателю информацию, навыки и экспертизу, которую страны-члены ЕС готовы предложить» [3].

Согласно Лиссабонскому договору к европейским дипломатам, из которых формируется Европейская внешнеполитическая служба, в совокупности относятся официальные должностные лица министерств иностранных дел стран-членов, Европейской Комиссии и Секретариата Совета [2]. Для этой группы дипломатов европейское сотрудничество является каждодневной практикой, формирующей их собственную стабильную систему ценностей и лояльность.

Майя Дэвид Кросс подчёркивает принадлежность к евродипломатам служащих Комитета постоянных представителей (КОРЕПЕР) при Совете ЕС. Исследователь относит данных должностных лиц к «внутренней дипломатии», противопоставляя их внешней европейской дипломатии, главным образом, в лице служащих делегаций ЕС. По её словам, в то время как Европейская внешнеполитическая служба (ЕВС) является, по сути, беспрецедентной наднациональной дипломатической структурой такого рода, в Европе уже сложился механизм внутренней слаженной координации и взаимодействия (постоянные представительства стран-членов в Брюсселе), опыт и экспертные навыки которых необхо-

димо заимствовать и экстраполировать на внешнеполитический процесс [8, р. 11].

Широко признано, что в настоящее время КОРЕПЕР решает около 70-90 % политических вопросов, стоящих на повестке дня Совета ЕС. Однако можно поспорить, что те решения, которые входят в 70-90 %, не являются вопросами ключевой и первостепенной важности, а относятся скорее к рутинным вопросам каждодневного сотрудничества стран Европейского Союза [9, р. 197]. Должностные лица ЕС, таким образом, стремятся даровать полномочия дипломатам КОРЕПЕР в той или иной бюрократической или технической области, поскольку каждодневные и типовые вопросы сотрудничества едва ли требуют внимания демократически избранных политических деятелей, обеспокоенных более глобальными проблемами. Вместе с тем существует мнение, что государственные деятели зачастую не могут понять всю техническую сложность вопроса. Поэтому они передают сложные сюжеты на рассмотрение КОРЕПЕР, чья работа как раз, напротив, состоит в анализе и решении трудных вопросов.

Один из ключевых вопросов состоит в будущем национальной дипломатической системы как таковой. Примечательно, что оба сообщества могут считать самоцелью последовательную и сильную европейскую внешнюю политику, с процессом принятия решений в Брюсселе, существенно растущим для обеспечения политической эффективности. Тем не менее, базирование в Брюсселе для национальных дипломатов является географическим термином, тогда как для евродипломатов «Брюссель» имеет скрытый смысл для обозначения перемещенного местоположения власти и новых форм партнёрства с другими дипломатами и штатом Европейской Комиссии и Секретариата Совета.

Тем временем, длительное сосуществование национальных министерств иностранных дел наряду с дипломатическими институтами Европейского Союза, каждый из которых работает с учётом различных систем взглядов и логики, остаётся фундаментальной институциональной основой современной диплома-

тии Европы. И как раз это сосуществование национального и постнационального элементов формирует самобытность Европейского Союза.

Евродипломаты, следуя принципам Лиссабонского договора, формируют контуры новой европейской дипломатии, где организационные структуры Европейского Союза, тем временем, частично работают параллельно с национальной дипломатией и частично задействованы там, где национальная дипломатия часто отказывается или в лучшем случае неспособна справиться успешно в одиночку – вплоть до международных вызовов XXI в.

Два эпистемологических дипломатических сообщества в Европе оказывают влияние на лиц, ответственных за проведение политического курса, различными путями. Они заранее обозначают проблемные сюжеты – то есть принимают решение о характере вопроса, политических целях и уровне (национальный или европейский), на котором вопрос должен обсуждаться.

Благодаря такому первоначальному отбору, формируется основа для определения национальных интересов. Через различные источники распространения информации (семинары, мозговые центры, лекции, газетные статьи и личное взаимодействие между дипломатами различного уровня), оба эпистемологических сообщества пытаются достичь принятия их идей другими. В качестве примера можно привести взгляд евродипломатов и национальных дипломатов на Европейскую идентичность в области безопасности и обороны (ЕИБО). Обе группы в целом считали логичным создание Европейской идентичности, однако, национальные дипломаты скорее защищали ЕИБО в рамках Североатлантического альянса (НАТО), в отличие от евродипломатов, которые были последовательными сторонниками основанной на базе ЕС оборонной идентичности, впоследствии названной Европейской политикой в области безопасности и обороны (ЕПБО) [5].

Данные дебаты, изначально развившиеся в основном в министерствах иностранных

дел, постепенно просочились и в прессу, и влияние в целом сместилось в пользу мозговых центров с евродипломатическими убеждениями. Евродипломаты показали себя более жизнеспособным сообществом. В конце концов, именно взгляд евродипломатов был закреплён в правовых текстах и договорах после того, как в Сан Мало провозгласили Европейскую политику в области безопасности и обороны.

И это далеко не единичный случай, когда евродипломаты сумели склонить общественное мнение в свою сторону. Так, если бы изменение в уровне принятия политических решений от национального до уровня Брюсселя было не принято всеми как сопутствующее эффективному общему внешнеполитическому процессу, евродипломаты не добились бы формальной передачи власти посредством создания наднационального механизма – Европейской внешнеполитической службы.

Страны-члены ЕС отчётливо сохранили некоторое национальное присутствие за рубежом, а также механизмы для его поддержания. Однако они, вероятно всего, делают это в различных пропорциях и формах, с учетом размера, уровня их географических и функциональных интересов, финансовых ресурсов и колеблющегося уровня их приверженности европеизации внешней политики. В краткосрочной и среднесрочной перспективе европейская дипломатия, вероятно, будет характеризоваться «изменяемой геометрией» представительских сетей и постоянного переосмысления того, что должно быть сделано [12].

Для малых стран-членов делегации Европейского Союза предлагают заманчивые перспективы усилить их представительство. Для крупных стран-членов с расширенным дипломатическим присутствием приветствуется возможность передачи координационных задач, связанных с председательством в Совете по иностранным делам, делегациям ЕС. Подобным образом может быть одобрено полное представительство стран-членов от имени делегаций Европейского Союза там, где нет очевидных отличий с точки зрения национальных интересов [16, р. 253].

Ещё в преддверии создания Европейской внешнеполитической службы повсеместно в Европе был признан долгосрочный эффект совместной подготовки для служащих министерств иностранных дел, организованной Европейской Комиссией и дипломатическими академиями и основанной на единой «Европейской дипломатической программе» [13, р. 861].

Представляется уместным задать вопрос, находятся ли национальные дипломаты, работающие в традиционных двусторонних посольствах в пределах Европейского Союза под некоторым воздействием европеизации, и способствует ли такое влияние развитию их карьеры в строго национальном или строго европейском направлениях. Глава представительства Европейского Союза в России, господин Фернандо Валенсуэла, подтвердил в интервью, что страны-члены делегируют своих национальных дипломатических служащих для работы в представительства Европейского Союза. Однако позднее они возвращаются вновь на работу в министерства иностранных дел, чтобы продвигать общеевропейские ценности и интересы в своём государстве и способствовать росту влияния европейской дипломатии [1].

Между тем по-прежнему сохраняется проблема общего администрирования внешней политикой через совместные бюрократические структуры. В рамках административных структур Общей внешней политики и политики безопасности неоднократно обсуждается необходимость введения единых дипломатических стандартов с целью использования общей инфраструктуры посольств, изменения облика дипломата, создания единообразия в условиях работы персонала, а также оценки эффективности его деятельности [7, р. 61]. В действительности, факт ежедневного сотрудничества по процедурам управления несомненно создаёт новый контекст для министерств иностранных дел и побуждает их искать административные и политические совместные решения с целью увеличения эффективности затрат.

В целом, акцент на поиск рентабельности в современной дипломатии остаётся фун-

даментальной чертой. Страны-кандидаты на вступление в Европейский Союз уже на подготовительном этапе проходят долгий путь к признанию «европейских ценностей и стандартов» (которые стоят выше национальных), что влечёт за собой обязательства к изменению управленческих практик и структур для получения программ помощи, необходимость унификации и гармонизации законодательства и т. д.

В качестве национального ответа странам-членам ЕС следует проанализировать эффективность их глобального присутствия, оценить, в чём состоит главный фокус их внешней политики и предусмотреть переход к миссиям с множественной аккредитацией. Другой подход фактически был озвучен Европейским парламентом, который приводит доводы в пользу подлинной общей европейской дипломатии, преобразующей делегации Европейского Союза в надлежащие дипломатические представительства в тех странах, где большинство стран-членов ЕС не представлено, и это уже реализуется на практике.

Так, Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности, баронесса Кэтрин Эштон, уже наделила 54 делегации из 136 статусом посольств и реальными полномочиями, что означает, что когда вопрос решается на уровне ЕС, делегации имеют преимущество над всеми традиционными посольствами, расположенными в той же самой столице [15].

Итак, можно утверждать, что уже существуют зачатки новой европейской дипломатии наряду с национальными дипломатическими системами. Эта новая европейская дипломатия, в частности, характеризуется взаимозависимостью двух различных дипломатических эпистемологических сообществ – национального и европейского. Предполагается, что «изменяемая геометрия» представительства (национального и наднационального) продолжится в ближайшей перспективе.

Резюмируя вышесказанное, необходимо подчеркнуть основное различие между двумя эпистемологическими сообществами. Национальное дипломатическое сообщество полага-

ет, что внешняя политика остаётся приоритетом национального государства, даже если оно одновременно готово признать, что европейская координация внешней политики оказывает явный, положительный эффект. Евродипломаты, в свою очередь, явственно утверждают, что более тесная координация, наднациональное лидерство и замена межправительственного принципа единогласия голосованием квалифицированным большинством служат реальным внешнеполитическим интересам народов Европы. Вместе с тем наиболее адекватной оценкой существующих реалий представляется позиция, которая суммирует оба этих подхода и определяет текущую ситуацию во внешней политике ЕС как «взаимозависимость в параллелизме». И именно это сосуществование национальной и наднациональной дипломатической систем – то, что делает европейскую дипломатию в целом самобытной и, таким образом, выделяет её среди всех существующих когда-либо систем.

Принцип «взаимозависимости в параллелизме» подводит итог текущей диалектике между национальной дипломатией и дипломатией Европейского Союза. Он имеет преимущество, поскольку способствует снижению напряжённости в отношениях между двумя группами дипломатов, конкурируют ли они действительно объективно или являются взаимозависимыми.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники:

1. Личное интервью с главой делегации Европейского Союза в России, господином Ф. Валенсуэла / Круглый стол. Открытые дебаты «Много культур – одна Европа». – Санкт-Петербург, 23.09.2011.
2. Blears H. British Home Office Minister. House of Lords Speech 'After Madrid: the EU's Response to Terrorism' Minutes of Evidence. Select Committee on the EU, 8 December 2004, Question 387. - URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200405/ldselect/ldeucom/53/4120804.htm> (дата обращения: 11.12.2011).
3. The Treaty of Lisbon. Official Journal of the European Union (Internet Version). Chapter 2. Specific Pro-

visions on the Common Foreign and Security Policy. Article 19b (iii), Article 13-a. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:306:0010:0041:EN:PDF> (дата обращения: 09.12.2011).

Литература:

4. Барышников Д.Н., Костюк Р.В., Ткаченко С.Л. Эффективность дипломатии. – СПб., 2009. – 164 с.
5. Тихова В.В. Формирование политики безопасности в единой Европе. АПН Казахстан. 30.01.2006 [Сайт] – URL: <http://www.apn.kz/publications/article177.htm> (дата обращения: 09.01.2012).
6. Ткаченко С.Т. Эпистемологическое сообщество: роль учёных и банкиров в создании ЭВС в Европе // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6. – 2008. – Вып. 2. – С. 81-86.
7. Batora J. Does the European Union transform the institution of diplomacy // Journal of European Public Policy. – Vol. 12. – No. 1. – February 2005. – Pp. 44-66.
8. Cross M. D. A European Foreign Service: Turning Diplomacy Inside-Out // Paper prepared for the International Studies Association Conference. – New Orleans, February 17-20. 2010. – 21 p.
9. Cross M. D. Sustainable Diplomacy in the European Union / Costas M. Constantinou and James Der Derian (eds). – Sustainable Diplomacies, Studies and Diplomacy and International Relations, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. – Pp. 192-212.
10. Cross M. D. The European Diplomatic Corps: Diplomats and International Cooperation from Westphalia to Maastricht / Studies in Diplomacy and International Relations. – Basingstoke: Palgrave, 2007. – 244 p.
11. Cross M. D. The European Union External Action Service and Smart Power. 03.11.2011 – URL: http://uscpublicdiplomacy.org/index.php/news-wire/cpdblog_detail/the_european_external_action_service_and_smart_power/ (дата обращения: 11.01.2012).
12. Crowe B. The European External Action Service: Roadmap for Success, a Chatman House Report. London: Royal Institute of International Affairs - URL: http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Europe/0508eas_report.pdf (дата обращения: 12.01.2012).
13. Duke S.W. Preparing for European Diplomacy? // Journal of Common Market Studies. – Vol. 40. – No. 5. – 2002. – Pp. 849-870.
14. Haas M.P. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. – Vol. 46. – No. 1. – Knowledge, Power and International Policy Coordination (winter, 1992). – Pp. 1-31.
15. Rettman A. EU Commission 'embassies' granted new powers // EU Observer, 21, January 2010 – URL: <http://euobserver.com/24/29308> (дата обращения: 20.12.2011).
16. Spence D. Taking Stock: 50 Years of European Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. – Vol. 4. – No. 2. – 2009. – Pp. 235-259.